

ПОЭЗИЯ АНДРЕЯ ИСАКОВА

Поэзия Андрея Исакова посвящена родному Ставрополю, его людям, его природе, он пишет по преимуществу о колхозном крестьянстве, о его думах и чаяниях. Эта большая и жизненно важная тема составляет содержание сборника «Избранное», недавно выпущенного в свет Ставропольским книжным издательством.

Поэта привлекают самые разнообразные стороны крестьянской жизни: извечная борьба со стихийными силами природы и обильный урожай, первая беседа девушки агитатора и приезд агронома на целину.

В поэзии, так же как и в прозе, в центре всегда человек, с его поступками и намерениями, с его переживаниями и стремлениями. Белинский писал: «вечный герой, неизменный предмет её (поэзии—В. Б.) вдохновенный, есть человек, существо самостоятельное, свободно действующее, индивидуальное».

Создание ярких, самобытных характеров—одна из основных задач поэзии. Существуют стихи, которые можно назвать «безлюдными». Поэт будто и старается писать о человеке, но человека не видно, читатель не чувствует его, не верит в него.

А. Исаков не принадлежит к числу таких поэтов. В его произведениях живут и действуют люди, люди чистого и простого сердца, скромные труженики. Это председатель колхоза и чабан, виноградарь и агроном, молодая казачка и новорождённый житель целинных земель.

Поэтичны в творчестве Исакова образы стариков-крестьян, которые вошли в новую, советскую действительность уже седыми, но не сломленными годами и тяготами жизни. Таковы его Медына, Кондра, Галота. Всех их роднит неистребимая мечта о счастье, вера в торжество справедливости, любовь к родной земле, к природе, нерасторжимая связь с ней.

В этих стариках есть что-то от преданий, старых песен, украинских дум. Сочетание патриархальной величавости с совершенно новыми, порождёнными современной действительностью чертами, составляют их своеобразное обаяние.

Иван Матвеевич Кондра, герой поэмы «Ставропольская быль», не только старый крестьянин-хлебороб, но и человек нового типа, своими руками преобразующий землю. Всю жизнь он мечтал напоить влагой жаждущие степи, чтобы они сторицей отплатили людям богатыми урожаями. Эта мечта стала его страстью. Но до революции он не мог воплотить её в жизнь.

«На этой земле воевал я
с невзгодами,
Жил одинокий с мечтою
бесплодную.
Всё, что задумывал, век
не сбывалось,
Тяжкая доля была
у крестьянина»,—
вспоминает Кондра.

Только советская власть сделала его мечту явью, и довелось старому хлеборобу увидеть, «как жаркими губами пили воду жаждущие степи». Сплав черт, порождённых старым и новым временем, показывает поэт в характерах запорожца Галоты («Потомок запорожца»), казака Медыны («Медына»).

Богатство и красоту народной души поэт раскрывает в образе старого чабана (стихотворение «Чабан»), Сила и поэтичность его натуры сказывается и в устремлённости в будущее, в мечте о том счастье, которое несёт революция, и в его музыкальном мастерстве.

«Мне его во век
Не позабыть!
Мастер был на песни
И на шутки.
И себя не заставлял
Просить
Поиграть на тростниковой
Дудке.
А играл он —
Свет моя заря! —
Передать не в силах.
Не поймёте...
Но скажу,
Такого дударя,
Как чабан тот,

В мире не найдёте.
Помню,
Сядет к дереву спиной,
Помолчит.
И смотришь — дудку в руки ,
И начнёт,
Да как начнёт, седой,
Так и сыплет прямо в сердце
Звуки.
И, бывало, пеший
Не пройдёт,
Конный не проедет
Без вниманья,
Остановится,
Послушает,
Вздохнёт,
И поклон отвесит
На прощанье».

Эта глубоко присущая народу талантливость сочетается в старом чабане с практическим подходом в жизни человека, который своим нелёгким трудом добывает кусок хлеба.

«— Ну, малец,
Как дела?
Здоровы ли телята?
Лучше б ты гонял со мной
Овец...
И спокойней,
И дороже плата».

В ряде стихотворений Исаков создаёт образы простых, хороших советских женщин, раскрывая их большие, искренние чувства, их мечты. В стихотворении «Первая беседа» проникновенно и с лёгким юмором переданы переживания девушки-агитатора Нади, которая проводит первую беседу с людьми родного села, среди которых и отец её любимого.

Удаются Исакову образы детей, воспитанных на лоне природы, впитавших в себя вольный воздух степи.

В стихотворении «Воспоминание» показано формирование психологии ребёнка, показано как зарождается в его душе чувство ненависти к социальной несправедливости дореволюционной действительности. Мечта о свободе, о самостоятельности в представлении мальчика облекается в образ собственного коня, на котором можно уйти от кулака-хозяина, предварительно расправившись с ним за его издевательства.

В конце стихотворения изображается новый этап в становлении характера героя. Его

стихийная ненависть к эксплуататору превращается в осознанное чувство человека, который впервые смог послужить делу революционной борьбы.

Укажем на своеобразный приём раскрытия формирования характера героя. Образу мальчика неизменно сопутствует образ жеребёнка. Жеребёнок—это цена человека в прошлые времена,— мальчик отдан в батраки «за лысого жеребёнка». Собственный жеребёнок—для него символ свободы, «мечта юных лет». И жеребёнок, которого он, наконец, вырастил и подарил большевику — это первая помощь делу революции.

Духовный мир ребёнка раскрыт поэтом и в стихотворении «Чабан». Здесь уже делается упор на другую сторону жизни ребёнка, на её поэтическое содержание.

Создавая характеры, А. Исаков использует в своих произведениях речевые характеристики, сюжет, он раскрывает внутренний мир героев, рисует их портрет. Чаще всего поэт изображает своих героев в действии, широко применяя диалог. Поэма «Медына» почти сплошь состоит из диалога. Диалогическая форма господствует в стихотворении «Потомок запорожца».

Говоря о поэзии,— не только о лирике, но и о всех поэтических жанрах,— нельзя не сказать о лирическом герое, который обычно более или менее совпадает с авторским «я» поэта—в отличие от героев эпических произведений, которые существуют сами по себе, независимо от автора.

Лирический герой может расходиться с личностью поэта в частности, но он всегда отражает его отношение к миру, к людям, его настроения, чувства, мечты.

Поэзия Исакова—лирична. Даже в поэмах автор свободно вводит в их эпическую ткань лирические отступления, где он выражает своё отношение к совершающемуся. Особенна богата лирическими отступлениями поэма «Ставропольская быль».

Собственно лирика, где лирический герой проявляется во всей полноте, занимает в сборнике довольно значительное место. Лирический герой Исакова—жизнерадостный человек, который умеет видеть в жизни торжество справедливого и прекрасного.

Лирический характер создаётся совсем иными средствами, чем характер в эпическом произведении. Поэт показывает внутренний мир героя, какое-то определённое чувство,

которое и составляет содержание стихотворения.

Основное чувство, основное настроение лирического героя в поэзии Исакова—любовь к Родине, к родному краю. Оно ярко выражено в стихотворениях «В поле», «Дума», «Веет поле тишиною» и других.

Во многих стихотворениях поэту удаётся показать чувства, переживания лирического героя в развитии, раскрыть диалектику его души. Пример развивающегося чувства представляет собой стихотворение «Дума». Оно начинается лирически окрашенной картиной природы.

«Над речкою красавицей—
Тугой шатёр небес.
В реку глядит, качается
Густой высокий лес.
Весны колхозной вестники
Стрижи над ним кружат,
Дубы мои, ровесники.
Взволнованно шумят».

Эта картина навеивает на поэта думы о той разумной жизни, которую обрёл родной народ. Далее чувство переходит в более узкую, личную сферу. Мысли о старости сменяются жаждой творчества, которая побеждает тихую грусть поэта и выливается в строки:

«Картины незабвенные
Рисуются, проносятся,
И мысли сокровенные
Волнуют,
В песню просятся...»

В лирических стихотворениях Исакова переживания изображаются через картины действительности, данные в определённом эмоциональном звучании. Непосредственное выражение чувства обычно как бы завершает его развитие.

Одним из главных героев в творчестве Исакова можно назвать природу Ставрополя. Природа для поэта—прежде всего земля-кормилица, возделанная трудом крестьянина, напоённая его потом. Поэт смотрит на эту землю глазами труженика, влюблённого в неё, прежде—горькой любовью неимущего батрака, теперь—любовью хозяина, строителя новой жизни.

Природу поэт показывает в неразрывной связи с трудовой деятельностью человека. В поэме «Ставропольская быль» создан образ земли, страдающей от жажды:

«И поля от жажды, от истомы,

Увядая, пели песнь о влаге.
Затихала жизнь в широком поле
С каждым новым вздохом суховея.
Колоски не выметав, пшеница,
Засыхала под палящим ветром».

Здесь—не только картина жаждущей земли, но и судьба труда, вложенного крестьянином в землю. Весь этот отрывок пронизан горьким чувством хлебороба, который с болью смотрит, как губит засуха посевы.

Изображая природу, поэт особенно подчёркивает то новое, что внёс в неё труд человека. В стихотворении «Пейзаж» даётся поэтическая картина вечера, и несколькими штрихами показано, как меняется она, когда загорелись огни ГЭС.

В творчестве Исакова привлекает простота, внутренняя не бьющая в глаза лиричность. Образы, которые создаёт поэт, не отличаются сложностью. Поэтическая картина большей частью создаётся им за счёт нескольких удачных деталей, нескольких ярких эпитетов. Например:

«Дед умолк,
А костра рыжеватое пламя
Поднялось над кустами
И брызнуло искрами ввысь».
Или:
«Морозный вечер.
Говор ветряка,
Жуют, не торопясь,
В кошаре овцы сено,
Под балалайку пляшут гопака
Подпаски в уголке попеременно».

Здесь нет ни сложных метафор, ни сравнений, а между тем картина создана.

Поэту нередко удаётся о простых, прозаических, казалось бы, вещах сказать языком поэзии.

Вот к примеру отрывок из первой части поэмы «Огни Дарьяла».

«И плывут по траве
Мериносов колхозных отары
Среди вечной красоты
Молчаливо-приветливых гор:
Сосчитай-ка, товарищ,
Богатство колхозов, попробуй!..
Нет, не нужно сбивать
С трав душистых серебряных рос.

Не натруживай ноги,
О камень не бей свою обувь,

Здесь овец тонкорунных
Не меньше, чем на небе звёзд».

Так, создав эту незатейливую картину, поэт говорит об огромном богатстве колхозов.

В поэзии Исакова сильно ощущается влияние народного творчества, и в её образной системе, и в ритме, и в стиле.

Поэт использует традиционные для фольклора образы, поэтические приёмы, стихотворные размеры.

Нередко можно увидеть в его стихах параллелизм, который является одним из самых распространённых поэтических приёмов в фольклоре. Параллелизмом начинается стихотворение «Распустилась вишенка»:

«Распустилась вишенка,
Расцвела, душистая,
Нарядилась девица,
Душа ненаглядная».

Параллелизмом богата поэма «Медына». Например:

«Полно вам снежочки,
На талой земле лежать,
Полно вам, казаченьки,
Горе горевать!»

Близок народной поэзии образ орла, которого раненый казак просит отнести отцу и матери завещанье (стихотворение «Где Амур-река бежит»),

В произведениях Исакова часто встречаются привычные для фольклора сравнения, эпитеты, метафоры. Казака поэт сравнивает с соколом, белых бандитов с чёрным вороном. Леса у него—тёмные, поля— широкие, косы—шёлковые.

Очень характерно для стихов Исакова повторение двух близких по значению слов: тоска—печаль, тоска—горе, завещанье — письмо, друг — приятель, бархат — атлас, правда—быль, даль—дорога; или употребление определения с тем же корнем, что и определяемое существительное: ранняя рань, вражья вражина и т. д.

По ритму многие стихи и поэмы Исакова близки украинской народной поэзии, влияние которой отчасти сказывается и на лексике его произведений.

Народные мотивы придают поэзии Исакова тот спокойный, сдержанный тон, тот

внутренний, скрытый лиризм, которые являются характерными чертами творчества поэта.

А. Исаков—поэт с большим опытом и, если можно так выразиться, с большим поэтическим стажем. Тем большие требования мы вправе предъявить к его творчеству. Отмечая то положительное, что присуще его поэзии, нельзя не указать и на её существенные недостатки.

Поэзия не терпит риторики и общих фраз. Стихотворное произведение становится поэзией, если в нём есть яркие образы и горячее чувство. Далеко не всегда встречаешь то и другое в произведениях Исакова. Вот, например, стихотворение «Доброго пути». Лирическая тема его— чувства людей, которые провожают друзей в колхозы с производства. К сожалению, она выражена довольно риторично, в истёртых, примелькавшихся фразах. Взять, например, два последние четверостишия.

«Мы все идём в одном порыве,
Всегда вперёд, всегда вперёд.
Нас счастье жизни окрылило
И вдохновил мечты полёт.
Друзей в дорогу провожая,
Нам слов сильнее не найти.
Чем те, в которых мы желаем
Друзьям счастливого пути!»

«Идём в одном порыве», «всегда вперёд», «окрылило счастье», «вдохновил полёт мечты»— всё это не волнует, потому что давно стало шаблонным. Второе четверостишие, повторенное в стихотворении два раза, крайне бедно мыслью.

Ощущение шаблонности и скуки усиливают и крайне бедные и даже неточные рифмы. «Вперёд полёт», «найти—пути»— никак не назовёшь поэтическим открытием. А слова «порыве—окрылило», «провожая—желаем» вообще не рифмуются. Между тем, в первых строфах поэт использует перекрёстную рифму, рифмуя не только вторую и четвёртую строки, но и первую и третью.

Не голая ли риторика, не сплошное ли и холодное перечисление в строчках:

«Мы родились сильными.
Нам бояться некого.
Наше дело правое,
Счастье миру строим мы.

Трудовою славою
Силы мы утроили».

Между тем это конец стихотворения, в нём обычно должна таиться ударная сила стихотворного произведения.

Порой стихотворение не волнует, потому что в нём много лишних, не нужных фраз или слов, которые только разжижают мысль. Вот, например, отрывок из поэмы «Кавказская сторона»:

1. «Быть мастерами добрыми
2. Партия нас зовёт,
3. К парторгу совхоза Добрину
4. Старый чабан идёт.
5. Деловито нахмурил брови.
6. Шапку снял с головы.
7. — Чуешь, Иван Петрович.
8. Дела у меня каковы...
9. Науку в чабанском деле
10. Познать я хочу давно.
11. Чтоб овцы у нас не болели,
12. Чтоб было пышной руно.
13. Зовёшься ты коммунистом,
14. Значит, дела верши!
15. Хорошим специалистом
16. Желаю стать от души.
17. Практик я, знаешь, давний,
18. Но хочется больше знать.
19. Сегодня, товарищ, без знаний
20. Трудно чабановать».

Здесь восемь строчек (1, 2, 7, 8, 13, 14, 15, 16) можно бы выбросить с пользой для произведения. Они как-то не соответствуют речи чабана и утяжеляют отрывок.

Иногда чувствуешь, что поэт повторяется, отказываясь от поисков нового.

В поэмах «Огни Дарьяла» и «Кавказская сторона» Исаков создаёт образы двух чабанов. Это люди, которые потянулись к книге, к знанию, которые сознают, что «сегодня, товарищ, без знаний трудно чабановать». Едва

ли стоит говорить, насколько типична эта черта для тружеников сельского хозяйства в настоящее время. Однако поэту не вполне удаётся воплотить это типическое содержание в индивидуальный образ. Его чабаны во многом напоминают предшествующих героев Исакова и очень похожи друг на друга. Та же величавая седина, та же спокойная умудрённость жизнью. А читатель хочет видеть в каждом новом образе нового человека. И тут поэта следует предостеречь: влечение к одному и тому же типу приводит к известному однообразию.

Исаков подчас повторяется, давая портретные характеристики героев. «Староват да крепок... как дуб узловатый», говорится о Медыне. Кондру автор называет «дуб могучий и высокий», Галота—«словно дуб в широком поле».

В нескольких произведениях характеристика внешности героев ограничивается словом «седой», Савелий Грыбас—«седой как сама история», у профессора Крылова —«бородка клином, седая» («Кавказская сторона»), чабан из одноимённого стихотворения «седой» и т. д.

Произведения последних лет, вошедшие в сборник, свидетельствуют о том, что поэт возвращается в круг одних и тех же тем, словно не решаясь вырваться к каким-то новым источникам вдохновения.

Больше изучать жизнь, изучать и вглубь и вширь, вдумываться в её противоречия, искать нового, неизведанного, раскрывать величие и красоту советского человека,— вот чего читатель вправе ждать от поэта.